

Вырезка из газеты

Уральский рабочий

Свердловск

21 СЕН. 1934

Газета

ТЕАТРАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

И «Фауст» и «Аида» — прошлое Госоперы, ее вчерашний день. Не они определяют текущий сезон. Но и в них есть вломелты, требующие пристального внимания. Непременно придется серьезно обсудить вопрос о «монументальном стиле» оформления. Недочеты работы с актером явно прорвались и в этих казалось бы, устойчивых спектаклях: Валентин и Фауст, каждый по-своему проявили большую актерскую беспомощность. Радамес вряд ли убедительно оправдает и сценическую и вокальную трактовку своей роли. Но об этом речь впереди. Злоба внешнего дня — обыкновеннейшая, неприщипливая, а техническая расхлябанность спектаклей, трудно объяснимая в «праздничные» дни начала сезона.

Если в «Аиде» пошаливали только прожектора, то «Фауст» прошел под знаком общегото восстания предметов сцены против режиссуры. Борьба началась при сгущенном занавесе — спектакль зашатался более чем на час — и продолжалась до конца его, почти до 2 часов ночи. Занавес отказывался раздвинуться, либо сдвигался не во-время. Бедный Зибель, претерпев любовные неудачи с Маргаритой, вынужден был лезть за занавеской. Обмен «старого» Фауста на «нового» потребовал столько времени, сколько нужно для поездки на ВИЗ. Марта в дуэте с Мефистофелем упорно сражалась со ставшими собственным домом. Антракты длились полчаса. Таким образом, побежденною оказалась режиссура, побежденными предметы, жертвами актеры и зрители.

Тов. Бадуридзе — обладатель небольшого, но приятного тенора, беспомощно передвигался по сцене в своем безвкусном и достаточно для старой Германии фантастическом костюме. Сух и не по-мефистофельски угрюм был тов. Серебровский. Одна только Опришневская, прекрасная исполнительница Маргариты, преодолела стоявшие на ее пути препятствия. И огромные массы статистов двигались с подлинным мастерством, исполняя замысел режиссура — залить всю сцену человеческим потоком. Замысел, может быть, и смелый, но уводящий нас к совсем другим временам и вкусам.

Е. Л.